

Ант Скаландис

Скажите там, чтоб больше не будили

Ант Скаландис

Скажите там, чтоб больше не будили

«Автор»

2003

Скаландис А.

Скажите там, чтоб больше не будили / А. Скаландис — «Автор»,
2003

ISBN 978-5-457-21540-5

ISBN 978-5-457-21540-5

© Скаландис А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

1. Генератор, Джойс и стихи	5
2. Пора искать другой мир	7
3. Изошренная модель электрического стула	9
4. Спасибо лысому мотоциклисту	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ант СКАЛАНДИС СКАЖИТЕ ТАМ, ЧТОБ БОЛЬШЕ НЕ БУДИЛИ

1. Генератор, Джойс и стихи

Они шли по осенней раскисшей Тверской и говорили каждый о своем, почти не слушая друг друга, как в пьесах Чехова. Геннадий излагал друзьям свою полусумасшедшую идею биоэлектрического генератора эмоций, Вадим долдонил что-то о Кэроле Джойсе и о его теории параллельных миров, а Ленка то и дело принимался читать стихи, как правило, совершенно ни к месту. Погода стояла скверная: в воздухе висела какая-то хмарь, а из-под колес автомобилей большими грязными брызгами летел таявший, преждевременно выпавший снег.

– Вы понимаете, – говорил Геннадий, – я не предлагаю имитировать какие-то отдельные эмоции, создавать какие-то фальшивые ощущения. Я предлагаю, в конечном счете, генерировать идеально завершенный комплекс эмоций, приводящий человека в состояние счастья, которого ему так не хватает. Подключаясь к моей машине, человек получит невиданную, непредставимую раньше возможность для абсолютного отдыха, для полного расслабления души и тела. Генератор эмоций – я в этом уверен, вытеснит постепенно из обихода и водку и наркотики, а сам он будет совершенно безвреден. В разумных дозах, конечно, – добавил Геннадий.

– Бред, – сказал Ленка. – Эрзац-наслаждение. Квазиудовольствие.

Псевдосчастье. Иными словами – духовная мастурбация.

– Да ну тебя! – обиделся Геннадий.

А Вадим вдруг спросил: – Генка, ты Джойса читал?

– А при чем тут Джойс?

– А при чем вообще все?

– Резонно. Ты имеешь в виду писателя?

– Нет, я имею в виду ученого, Кэрола Джойса, автора теории параллельных миров, – объяснил Вадим.

– А, – сказал Геннадий, – эта дурацкая статья в "Вопросах философии"?

– Не только. У нас перевели его книжку "Вещество. Энергия. Информация". Рекомендую почитать. Да и статья, между прочим, вовсе не дурацкая. Я бы сказал, грандиозная статья.

– Джойс – примитивный идеалист, надевший маску революционера науки, – отчеканил Ленка звонкую формулировку «застойных» лет.

Вадим не удостоил его ответом.

– У Джойса есть гипотеза, – говорил он, – что в моменты, когда человек испытывает счастье, то есть субъективно абсолютно удовлетворен, какая-то часть общей суммы информации, составляющей его собственное «Я», переписывается в параллельный мир по такому же, в сущности, механизму, как это происходит во сне или в момент смерти. Ты чувствуешь, насколько это новый взгляд на информацию и на понятие счастья?

– Информация, – сказал Геннадий, – это энтропия со знаком минус.

– Чего-чего? – не понял Вадим.

– Это не я, это Норберт Винер.

– Бросьте, мужики, – вмешался Ленька. – Это несерьезный разговор. Послушайте вот лучше: И вечный бой. Покой нам только снится...

– Да мы же это в школе учили, – засмеялся Геннадий. – В десятом классе, если не ошибаюсь.

– Нет, дорогой, – спокойно возразил Ленька, – такого вы в школе не учили.

И он упрямо повторил, теперь уже с продолжением:

И вечный бой. Покой нам только снится.

И пусть ничто не потревожит сны...

Вторая строчка ошарашивала, и Геннадий невольно начал слушать.

Дальше там было что-то про ночных птиц, про солдат, бегущих под пули, про хрипящих, умирающих лошадей. Странные это были стихи. Непонятные, но какие-то пронзительные, западавшие в душу. Геннадий тогда забыл спросить Леньку, чьи они, потому что Вадим с настойчивостью идиота сразу же вернулся к разговору о Джойсе.

– Слушай, старик, – сказал он Леньке, – да это же гениальные вирши! Если бы Джойс писал стихи, он написал бы именно эти строки.

И Геннадий автоматически переключился на мысли о своем генераторе эмоций. Про Джойса ему было неинтересно.

"Хороший парень Вадим, – думал Геннадий, – да и Ленька замечательный человек, но почему они никак не хотят понять, что мой генератор – это серьезно, что мой генератор – не абстрактный треп о потусторонней жизни, как у этого американца Джойса, а настоящая, большая, практическая идея?"

Геннадий уже не первый год работал над своей идеей, и за все это время он не часто мог позволить себе просто пройтись с друзьями, посидеть с ними в кафе, поболтать. Но сегодня именно такой вечер. И он подходит к концу. Геннадий знал, они пройдут вместе еще квартал, а потом попрощаются и разойдутся в разные стороны. Он только не мог знать, что прощание это будет последним.

А Тверская спешила куда-то, как всегда, шумела, светила сквозь туман желтыми огнями галогенных фар, и грязный тающий снег вылетал из-под колес автомобилей, забрызгивая деревья и пешеходов.

2. Пора искать другой мир

У Геннадия Барикова сложились очень напряженные отношения с окружающим его миром, недоделанность которого он ощутил впервые еще в раннем детстве. Первой серьезной недоделкой, обнаруженной маленьким Геней, было отсутствие у него родителей. Его отец не был мужем его матери и о существовании сына так и не узнал, а мать умерла родами. Гена воспитывался в детском доме, потому что бабушки тоже не было, а позднее – у тетки, двоюродной сестры матери, старой одинокой женщины, которая, вернувшись в Москву откуда-то из Белоруссии, решила взять племянника к себе. Тетка не отличалась педагогическим талантом, да и поздновато уже было перевоспитывать детдомовского ребенка, но в душе ее было много доброты и ласки к сиротинушке, так что недолгие годы, прожитые с теткой, Геннадий считал светлым пятном в своей жизни. Когда тетка умерла, он снова остался один.

Геннадий рано познакомился с подлостью и ложью, с глупостью и жестокостью, он даже привык ко всему этому, перестал возмущаться и научился относиться философски к людским порокам и к ущербности общественного устройства на планете. И, что интересно, жизнь не ленилась подтверждать справедливость его пессимистического взгляда на мир. У Геннадия постоянно крали какие-то вещи, его везде обжуливали, обманывали, облапошивали, он проигрывал во всех играх и оказывался битым во всех драках. Однажды, вступившись на улице за девушку, за которую, вообще говоря, и вступаться не следовало, но это стало ясно слишком поздно, – он был избит до полусмерти, два месяца пролежал в больнице, а обидчиков, как водится, не нашли, точнее, их даже и не искали.

Геннадий жил, кривясь от боли и омерзения в неудобном, колючем мире, но он вовсе не считал себя великим неудачником. Геннадий умел обобщать, и великими неудачниками он считал Эволюцию и Историю.

Гомеостаз и Прогресс представлялись ему двумя уникальными крестинами, которых во время оно угораздило создать это уродливое подобие венца творения, эту насмешку над величием Вселенной – человеческую цивилизацию. Геннадий окончательно разочаровался в человечестве, когда понял, что оно уже который год занято разрешением гамлетовского вопроса не из любви к абстрактной философии, а просто потому, что нескольким сумасшедшим было бы обидно не применить на практике весь джентльменский набор средств массового уничтожения, раз уж они так долго и так тщательно эти средства создавали.

Прочтя однажды знаменитый мрачный афоризм "Жизнь – болезнь материи, разум – болезнь жизни", он раз и навсегда уверовал в его правоту. Он никогда не сомневался, что человек – это выродок, и на полном серьезе обращался за поддержкой к изящным шуткам Станислава Лема по этому поводу. И для чего же еще, как не для того, чтобы понять, каким же все-таки образом возникло в природе этакое уродство, Геннадий занялся изучением биологии.

Он поступил на биофак МГУ. И там его ждало второе светлое пятно в его жизни – он встретил Марину Крылатскую.

Собственно, это было уже не просто светлое пятно – это было солнце, залившее светом счастья все вокруг и впервые примирившее Геннадия с миром, в котором он жил. Но ненадолго. Геннадий был счастлив только полгода.

Университет не знал лучшей пары, чем он и Маринка Крылатская. Их любовь была действительно солнцем, она дарила тепло и свет не только двоим влюбленным, но и всем окружающим. И когда это солнце погасло, в жизни Геннадия наступила особая тьма, столь же отличная от мутного сумрака прошедших лет, как отличается от ночного неба над городом

черная пустота межзвездного пространства. Против такого мрака могло поспорить только новое солнце, но небесные светила не рождаются так часто.

А как ужасающе медленно гасло его солнце!

Маринка умерла от рака, а от рака умирают не сразу.

Удар был особенно страшен, потому что оба они были до некоторой степени онкологами, специалистами по биофизическим методам лечения рака, и лучше, чем кто-нибудь, понимали свое бессилие перед грозной болезнью.

В первое время после смерти Маринки Геннадий с остервенением занимался наукой и даже открыл какой-то, как говорили, блистательный метод лучевого воздействия на опухоль. Но, конечно, этот метод не внес принципиальных изменений в онкологию. А потом Геннадий прочел у одного немца, что рак – это не болезнь, а имманентное свойство человеческого организма, и в каком-то чудовищном озарении он понял, что немец прав, что рак – это не более чем еще одна неотъемлемая черта нашего уродливого мира, и потому борьба с этим недугом столь же бессмысленна, как призывы любить ближнего или поиски бессмертия. Немец-то, правда, имел в виду совсем другое, он просто утверждал, что лечение рака возможно только с помощью генной инженерии. Но Геннадий понял его по-своему. Он потерял интерес к онкологии и с ужасающей ясностью осознал, что теперь уже ничто не связывает его с этим миром, а значит, пора искать другой.

3. Изощренная модель электрического стула

Геннадий никогда не думал о самоубийстве. Строго говоря, его интересовал не другой мир сам по себе, а только иллюзия другого мира, но иллюзия возможно более полная.

Пьянство не подходило ему абсолютно. Организм плохо воспринимал алкоголь в больших дозах. Сильные наркотики казались одно время выходом, но это было бы слишком дорого, и от наркомании Геннадий тоже решительно отказался.

И тогда он вспомнил про биофизику. Он же все-таки специалист какникак. А значит, поиски надо вести именно в этом направлении. Варварское вживление электродов в центры удовольствия, изобретенное и испытанное еще в пятидесятые годы, он отменил не только потому, что этим было невозможно заниматься в одиночку, но и по принципиальным соображениям: Геннадий был против подавления личности в человеке, он искал мягкий, ненавязчивый метод, метод как бы косметического вмешательства в психику. Вот когда появилась у него идея не грубого инициирования мозговых центров, а тонкого, тщательно программированного генерирования эмоций путем комплексного биохимического и биофизического воздействия на организм – во какая получилась формулировка! И возник термин – генератор эмоций, или, сокращенно, – ГЭМ.

Каждый вечер, возвращаясь с работы, Геннадий погружался в неразбериху радиодеталей, электропроводов, реле, стеклянных трубок, сосудов с реактивами, транзисторов, трансформаторов, механических устройств и прочих составных частей будущей машины. Укрепленная на каркасе в центре комнаты, она все более разрасталась с каждым днем и грозила занять собою все помещение. Генератор эмоций при первом взгляде на него напоминал машину времени, сделанную Шуриком в известном фильме Гайдая.

Иногда у ГЭМа вдруг исчезала какая-нибудь крупная часть, оказавшаяся лишней, и тогда генератор переставал быть похожим на самого себя, выглядел уродливым, ограбленным и обиженным. Потом на месте изъятого узла появлялось что-нибудь новое, и глаза изобретателя постепенно привыкали к добавленному кнопчному пульту, или к огромному циферблату, или к системе змеевиков. Взятый за основу всего аппарата списанный энцефалограф давно потонул в сплетении новых деталей, и только экран его неизменно смотрел на Геннадия удивленно вылупившимся глазом.

Поскольку Геннадий решил действовать на мозг через черепную коробку, простого электрического воздействия было, естественно, недостаточно. Понадобились токи высокой частоты, и хитро модулированное магнитное поле, и мягкое бета-излучение, и все это – в сочетании с циркуляцией в крови специального биологически активного раствора.

Голову пришлось обрить наголо, потому что контакт осуществлялся через полтора десятка присосок, крепившихся к коже. К центру каждой присоски подходил провод, а в резину были вмонтированы радиоисточники. Чтобы как-то оправдать свою лысину, Геннадий заключил спор, в который вовлек сразу восемь человек. Мало кто верил, что он действительно проходит обритым целый год, а пятирублевки и червонцы, собранные с этих восьмерых, стали неплохим подспорьем в работе. На ГЭМ, кроме сил и времени, уходили еще и деньги, и Геннадий был рад, что ему одним выстрелом удалось убить двух вальдшнепов.

После года теоретических исследований и полутора лет конструкторской и наладочной работы настал торжественный миг первого испытания. Геннадий был чужд предрассудков. Он не только не стал произносить никаких исторических фраз или делать пророческие записи, но даже не присел, как говорится, перед дорогой, не остановился на минутку, чтобы в благоговейном молчании поглядеть на дело рук своих. Он просто, припаяв последний контакт, выдернул из сети паяльник и сел в кресло, за пульт. Прикрепил к голове присоски.

Надел наушники с генератором магнитного поля. Протер спиртом руки на сгибе локтя. Вонзил в вены стальные иглы с гибкими шлангами. Щелкнул пусковым тумблером...

Удовольствие получилось весьма своеобразным. Сначала тело свело судорогой, потом отпустило и затрясло крупной дрожью. Крупная дрожь постепенно перешла в мелкую, и наконец тело блаженно расслабилось.

Это, последнее, было приятно, но все повторилось вновь. И еще, и еще раз. Циклы стали учащаться. Дикий восторг перемешивался со страшной болью, и не прошло, наверно, и минуты, когда Геннадий понял, что это в общем-то чистейший мазохизм. Он дернул на себя тумблер и сорвал с головы присоски, напомнившие ему вдруг омерзительных пиявок.

Иглы сами выскочили из рук от резких движений, и он смазал проколы приготовленным для этой цели йодом. Потом откинулся в кресле и еще долго не мог отдышаться.

"Такого удовольствия и врагу не пожелаешь, – подумал Геннадий. – Просто какая-то изощренная модель электрического стула".

4. Спасибо лысому мотоциклисту

В тот вечер Геннадий уже не подключался к ГЭМу, он только размышлял о причинах неудачи. Ошибка была серьезной. Вероятнее всего, это была не одна, а сразу несколько ошибок.

В следующий вечер он перебрал электронную схему и изменил модуляцию магнитного поля. Боль во время испытания заметно ослабла. Последовательно проверяя вариант за вариантом, он за неделю добился полной ликвидации отрицательных эмоций. Но это, судя по всему, был предел возможностей электромагнитной части. Состав биораствора улучшить было нельзя – это он знал. Биораствор был сложной подделкой под кровь и на вид от крови не отличался, так как эритроциты в нем были настоящие. Вот из-за этих-то живых, его собственных, бариковских эритроцитов он и не мог менять состав раствора, оптимальный и, по существу, единственно возможный.

Значит, оставались присоски. С ними многое было неладно. Главное, их не удавалось поставить дважды на одно и то же место. Геннадий старался фиксировать вычисленные им точки кольцами из пластыря, но все это было приблизительно, а меж тем, как выяснилось, даже микроскопические смещения играли существенную роль.

Несколько месяцев Геннадий играл с присосками вслепую, переставляя их, изменяя количество, варьируя подаваемую мощность излучения и тока. Игра была увлекательной. Игра давала результаты. Правда, результаты никогда не повторялись в точности, и это было обидно, потому что ощущения попадались иной раз исключительно приятные, хотя и кратковременные, затухающие. Кратковременность, впрочем, оказалась субъективной: три часа, проведенных за генератором, воспринимались мозгом как пять минут или чуть больше. Другим минусом искусственных наслаждений была их односторонность. Генератор всегда имитировал что-то одно: прохладу после жары или тепло после холода, утоление жажды, восхитительно вкусную пищу, сексуальное наслаждение. Но чаще всего удовольствие было вовсе неопределенным, выразить его словами Геннадию не удавалось, и все же он точно знал, что ГЭМ одновременно удовлетворял всегда только одно желание.

Кстати, уже не ГЭМ. Геннадий перестал звать свою машину этой аббревиатурой, которая показалась суховатой и неточной. Он придумал другое название – универсальный агрегат наслаждений. Имя универсальный он дал своему агрегату как бы авансом, потому что как раз универсальности-то ему и не хватало. И вообще слово это он добавил больше для эффектного звучания. Геннадию нравилось, что сокращение УАН на английском языке означает «один», то есть один на весь мир, и это было действительно так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.